

УДК 94(470.345/344):304
EDN RXIBYH<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕЛЕ
В 1970-х — НАЧАЛЕ 1980-х гг.
(на примере Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)**

Е. Н. Бикейкин✉, Г. А. Куршева, С. В. Першин, П. С. Учватов

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
✉bikeykin1977@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу основных направлений государственной социальной политики на селе в 1970-е — начале 1980-х гг. На примере Марийской, Мордовской и Чувашской АССР исследуется влияние проводившегося курса на концентрацию сельскохозяйственного производства, выразившегося в политике укрупнения хозяйств, преобразования колхозов в совхозы, а также кампании по ликвидации «неперспективных» сел на социально-экономический и демографический облик села.

Материалы и методы. Методологической основой статьи послужили принципы историзма и объективности. В работе были использованы системный, историко-сравнительный, статистический и ряд других методов исследования, с помощью которых проанализированы документы из региональных архивов, стенографические отчеты сессий Верховных Советов АССР, материалы статистики.

Результаты исследования и их обсуждение. Авторы статьи охарактеризовали наиболее острые проблемы, с которыми сталкивались сельские жители автономных республик, и попытки их преодоления со стороны региональных органов управления. Выявлено, что предпринимаемые властями действия были эффективны на уровне отдельных, более успешных хозяйств, но не могли решить системные проблемы, связанные с утратой престижа и привлекательности сельского труда для населения, массово переезжающего в города. Миграция была вызвана не только недостаточно продуманной политикой ликвидации «неперспективных» населенных пунктов, но и невысоким уровнем оплаты труда в сельском хозяйстве, нерешенностью многих социальных вопросов.

Заключение. Большая часть мер по социальной поддержке села в рассматриваемый период оказывалась недостаточной либо малоэффективной. Точечные меры были способны поддержать отдельные более успешные хозяйства, но для успешного развития аграрной сферы в целом требовались продуманные, системные реформы. Напротив, проводившаяся государством политика часто была непродуманной, не учитывала местные условия, а потому лишь усугубляла социальные проблемы на селе. Материалы статьи могут быть использованы при разработке вопросов истории государственного управления народным хозяйством и социально-экономического развития регионов советской России периода позднего социализма.

Ключевые слова: Марийская АССР, Мордовская АССР, Чувашская АССР, сельское хозяйство, органы государственного управления АССР, ликвидация неперспективных сел, социальная политика, раскрестьянивание

© Бикейкин Е. Н., Куршева Г. А., Першин С. В., Учватов П. С., 2023

Для цитирования: Бикейкин Е. Н., Куршева Г. А., Першин С. В., Учватов П. С. Государственное управление в области социальной политики на селе в 1970-х — начале 1980-х гг. (на примере Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 3. С. 122 — 139. EDN RXIBYH

Original article

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE AREA OF THE RURAL SOCIAL POLICY IN 1970s — EARLY 1980s (Case Study of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR)

E. N. Bikeykin✉, **G. A. Kursheva**, **S. V. Pershin**, **P. S. Uchvatov**

Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia
Saransk, Russia

✉bikeykin1977@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the main directions of the state social policy in the countryside in the 1970s — early 1980s. On the example of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics, the influence of the current course on the concentration of agricultural production, expressed in the policy of amalgamating farms, transforming collective farms into state farms, as well as the campaign to eliminate “unpromising” villages, on the socio-economic and demographic appearance of the village is studied.

Materials and methods. The methodological basis of the article was the principles of historicism and objectivity. Systematic, historical-comparative, statistical and a number of other research methods were used in the work, with the help of which documents from regional archives, verbatim reports of sessions of the Supreme Soviets of the ASSR, and statistical materials were analyzed.

Results and discussion. The most acute problems faced by rural residents of the autonomous republics and attempts to overcome them by regional governments are characterized. The authors of the article point out that the actions taken by the authorities could have been effective at the level of individual, more successful farms, but were not able to solve the systemic problems associated with the loss of prestige and the attractiveness of rural labor for the population moving to cities. Migration was caused not only by an insufficiently thought-out policy for the elimination of “unpromising” settlements, but also by a low level of wages in agriculture, and the unresolved nature of many social issues.

Conclusion. Most of the measures for the social support of the village in the period under review turned out to be insufficient or ineffective. Targeted measures were able to support individual more successful farms, but for the successful development of the agrarian sector as a whole, well-thought-out, systemic reforms were required. On the contrary, the policy pursued by the state was often ill-conceived, did not take into account local conditions, and therefore only exacerbated social problems in the countryside. The materials of the article can be used in the development of questions of the history of the state administration of the national economy and the socio-economic development of the regions of Soviet Russia in the period of late socialism.

Keywords: Mari ASSR, Mordovian ASSR, Chuvash ASSR, agriculture, government bodies of the ASSR, liquidation of unpromising villages, social policy, depeasantization

For citation: Bikeykin EN, Kursheva GA, Pershin SV, Uchvatov PS. Public Administration in the Area of the Rural Social Policy in 1970s — early 1980s (Case Study of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(3):122—139. EDN RXIBYH

Введение

Россия являлась преимущественно крестьянской страной на протяжении большей части своей истории. При этом к сельскому хозяйству у государства выработалось достаточно специфичное отношение, не менявшееся на протяжении десятилетий. Решением социальных проблем села оно занималось, как правило, по остаточному принципу, направляя большую часть средств на иные цели. Напротив, сельское хозяйство и крестьянство рассматривались как некий ресурс, за счет которого происходило развитие других, более приоритетных для государства отраслей экономики. Можно вспомнить, что крепостное право в России — фактически рабство — было отменено лишь в 1861 г., а трудности с паспортизацией, со всеми вытекающими последствиями, создавались колхозникам вплоть до 1960-х гг. На состоянии села и развитии аграрного сектора отразились и особенности российской модернизации, носившей запаздывающий характер. Однако неверно было бы говорить о том, что социально-экономический облик российской деревни все время только деградировал и приходил в упадок. Развитие села было противоречивым, сложным процессом; на протяжении XX в. аграрная отрасль неоднократно испытывала на себе реформы и контрреформы, подъемы и спады производства. Особое место в истории занимают 1970-е — начало 1980-х гг., когда произошла активизация начатой еще в период реформ Н. С. Хрущева политики социальной поддержки села. На эти годы пришлось, с одной стороны, поступательное движение вперед, озаменованное стабильным ростом уровня жизни сельского населения и некоторыми позитивными сдвигами в социальной сфере; с другой стороны, тогда же произошло дальнейшее обострение процесса раскрестьянивания, имевшего далеко идущие последствия для развития страны в целом.

Обзор литературы

Обращаясь к характеристике трудов, посвященных данной теме, нужно констатировать, что длительное время региональные исследователи придерживались односторонних методологических подходов. Если в советской науке период второй половины 1960-х — первой половины 1980-х гг. рассматривался через призму официальной идеологии «развитого социализма» [1; 21], то на рубеже 1980 — 1990-х гг. установился прямо противоположный подход, основанный на исключительно негативном восприятии общественного и социально-экономического развития страны через концепцию «застоя» [15; 25]. Впоследствии историки отошли от слишком однозначных оценок позднесоветской действительности. По тематике развития аграрной отрасли имеются работы С. Н. Исанбаева, В. И. Сухина [6], С. В. Нефедова в Марий Эл [13]; В. А. Юрчёнкова¹ [26, с. 579 — 587], Е. Н. Бикейкина [2], О. И. Марискина [9] и Е. В. Моисеева [10] в Мордовии; Д. А. Пинаевой [14], Н. И. Садовниковой [17] и В. Г. Харитоновой [23] в Чувашии.

Сегодня, несмотря на некоторый интерес со стороны региональных ученых к истории аграрной отрасли, деятельности органов управления сельским хозяйством, социально-экономическому положению сельского населения в эпоху позднего

¹ Схема развития и размещения производительных сил Республики Мордовия на период до 2000 года // Архив НИИ регионологии. Оп. 1. Д. 60. Л. 6 — 12.

социализма и ряду других аспектов, связанных с развитием аграрной сферы [3; 4; 12; 22], на уровне республик Марий Эл, Мордовии и Чувашии данная проблематика практически выпала из поля зрения исследователей. Из увидевших свет комплексных научных работ особое положение занимает подготовленная известными специалистами по региональной аграрной истории коллективная монография «СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922 — 1991)», где процессы и явления в аграрной сфере рассматриваются, в том числе, на примере автономных республик Поволжья [20]. Однако значительно чаще историками Марийской, Мордовской и Чувашской АССР поднимаются вопросы, связанные с состоянием и развитием аграрного сектора в первой половине XX в. или в период реформ «хрущевского десятилетия», в то время как новые труды, посвященные процессам, происходившим в сельском хозяйстве во второй половине 1960-х — первой половине 1980-гг., немногочисленны [8; 16; 24]. О наличии лакун в изучении развития аграрной сферы и государственной политики на селе в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1970 — 1980-е гг. красноречиво свидетельствует и тот факт, что доклады на эту тему были крайне скудно представлены на последних трех конференциях историков-аграрников Среднего Поволжья (проводившихся соответственно в 2018, 2020 и 2022 гг.), которые традиционно являются площадкой для обсуждения разнообразных вопросов аграрной истории наиболее авторитетными исследователями Поволжья и других регионов России. Таким образом, применительно к историографии в рассматриваемых республиках можно говорить о явном пробеле в области вопросов истории сельскохозяйственной отрасли и сельской социальной политики позднесоветской эпохи.

Материалы и методы

Для достижения исследовательских задач использовались документы из фондов Государственного архива Республики Марий Эл, Государственного исторического архива Чувашской Республики, Центрального государственного архива Республики Мордовия. Привлекались также материалы статистики, стенографических отчетов сессий Верховных Советов автономных республик и некоторые другие опубликованные данные. Проанализированы ранее изданные работы региональных историков, посвященные аграрной тематике. Статья основана на принципах историзма и объективности, при ее подготовке применялись системный, историко-сравнительный, статистический и другие методы.

Результаты исследования и их обсуждение

В советский период истории главными экономическими и социальными локомотивами на селе были совхозы и колхозы как основные субъекты хозяйствования. В связи с этим любые трансформации колхозно-совхозной системы отражались на социальном положении сельчан. В 1970-е гг. на развитие аграрной сферы и состояние села значительное влияние оказала концентрация производства, фактически ставшая продолжением политики преобразования колхозов в совхозы. На первый взгляд, данная реформа кажется вполне логичной, ведь предполагалось, что более эффективные в экономическом плане крупные хозяйства будут способствовать развитию аграрной отрасли и смогут успешно закрывать бреши в социальной политике государства. Но такая практика привела к очередной малопродуманной кампании — ликвидации «неперспективных» населенных пунктов, сопровождавшейся переселе-

нием жителей малых сел и деревень на центральные усадьбы. В Марийской, Мордовской и Чувашской АССР пик ее проведения пришелся на 1970-е гг.

Указанная государственная кампания, в частности, была отмечена в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 206 «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» от 20 марта 1974 г.: предполагались «преобразование сел и деревень в благоустроенные поселки совхозов и колхозов» и завершение к 1990 г. переселения жителей мелких населенных пунктов в более крупные поселки². Норма о том, что новое строительство может проводиться только в «перспективных» населенных пунктах, закреплялась и в постановлении Совета Министров РСФСР № 389 «Об утверждении Правил застройки сельских населенных пунктов РСФСР» от 20 июля 1981 г.³ Установки органов власти, по существу, прекратили финансирование как нового строительства, так и капитального ремонта уже имевшихся зданий в сельских населенных пунктах, занесенных в разряд «неперспективных».

Эти действия пытались оправдать не только экономическими соображениями, но и рядом факторов, связанных с сокращением численности сельского населения, изменением его демографических характеристик, миграцией в городскую местность. Для реализации полученных сверху указаний региональными органами управления составлялись программы ликвидации «неперспективных» населенных пунктов. Так, в Марийской АССР в годы десятой пятилетки (1976 — 1980 гг.) планировалось расселить 249 мелких населенных пунктов, а исполнение самой программы предполагалось завершить в 1990 г.⁴ Для отдельных территорий составлялись порайонные планы — например, в одном из районов Мордовии — Ромодановском — было решено расселить жителей 51 сельского населенного пункта⁵. При этом предлагалось отказаться от мер административного воздействия, переселение должно было проходить на добровольных началах. Однако его темпы оказались низкими. За десятую пятилетку в Мордовской АССР рассчитывали сселить лишь 713 дворов из колхозов и совхозов, в том числе на 1976 г. устанавливался показатель в 143 двора. По состоянию на 1 августа этого года удалось сселить более 80 дворов, но в отдельных районах местные власти к такой работе вообще не приступали⁶. В целом за рассматриваемый период плановые показатели ликвидации «неперспективных» сел, несмотря на прилагаемые усилия, достигнуты не были.

Пытаясь добиться выполнения планов любой ценой, региональные власти начали относить к «неперспективным» даже сельские населенные пункты, все еще обладавшие некоторым экономическим потенциалом, который можно было реализовать при грамотном подходе и учете местных условий. 10 декабря 1981 г. депутат Верховного Совета Чувашской АССР, бригадир совхоза «Тюрлеминский» Козлов-

² Собрание постановлений Правительства СССР. 1974. № 9. Ст. 39.

³ Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. 1981. № 23. Ст. 144.

⁴ Сельский поселок // Марийская правда. 1976. 25 янв.

⁵ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР девятого созыва (третья сессия, 2 июля 1976 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1976. С. 84.

⁶ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-516. Оп. 3. Д. 927. Л. 340.

ского района Н. И. Шимлых в своем выступлении нарисовал такую картину: «В свое время некоторые населенные пункты были признаны „неперспективными“, или пунктами ограниченного развития. В них приостановилось строительство, и они остаются без минимальных коммунально-бытовых удобств. Как правило, в таких населенных пунктах мало держат скота, не ремонтируют дома, не благоустраивают улицы, дворы и дороги. Поэтому молодые жители из этих деревень стремятся уехать в город. К таким населенным пунктам относится и наша деревня Уразметево. Хотя у нас самая крупная молочно-товарная ферма в районе, но в деревне нет ни конторы отделения, ни дома для животноводов, ни добротного клуба, ни жилья для работников сельского хозяйства. А это в свою очередь сказывается на текучести кадров. У нас сегодня не хватает доярок, механизаторов и других специалистов»⁷. Подобная ситуация во многом была характерной не только для Чувашии, но и для соседних автономных республик.

В унисон со словами Н. И. Шимлых высказался первый заместитель министра строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР В. А. Брухнов. Выступая на сессии Верховного Совета Мордовской АССР 2 июля 1976 г., он отметил: «Можно привести десятки примеров, когда слабое, прозябающее хозяйство, непрерывно теряющее кадры, особенно молодежь, после прокладки к нему хорошей дороги быстро оживает. Причем не только оживает экономика, но и повышается тонус всей жизни на селе, ибо помимо экономического значения улучшение автотранспортных связей имеет огромное значение для решения социальных, культурных, демографических и других проблем»⁸. К сожалению, подобные здравые мысли, реализация которых могла бы замедлить раскрестьянивание деревни, далеко не всегда воплощались в реальность непосредственными исполнителями. В партийных и советских органах на такие аргументы обычно смотрели со скепсисом, категорично полагая, что сельские населенные пункты с большой численностью населения выступают как благоприятный фактор развития экономики аграрного сектора; в них повышается качество бытового и социально-культурного обслуживания населения; к тому же они позволяют существенно сократить разного рода эксплуатационные и административные расходы⁹. Некоторые руководители государственных и партийных структур подходили к исполнению директив ЦК КПСС с особым рвением. Например, В. С. Учайкин, в 1975 — 1978 гг. работавший первым заместителем Председателя Совета Министров Мордовской АССР, вспоминал в мемуарах, как его непосредственный руководитель, председатель правительства республики А. О. Пиксаев еженедельно требовал усилить работу по переводу семей из «неперспективных» деревень в центральные усадьбы колхозов и совхозов¹⁰.

⁷ Заседания Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва (четвертая сессия, 10 декабря 1981 г.): стеногр. отчет. Чебоксары, 1982. С. 92.

⁸ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР девятого созыва (третья сессия, 2 июля 1976 г.). С. 71.

⁹ ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 3031. Л. 7.

¹⁰ Учайкин В. С. Озвученные мысли. Саранск, 1999. С. 74.

Однако в действительности проведение подобной политики, направленной на безусловное выполнение непродуманных решений Центра, не приводило к подъему сельскохозяйственной отрасли и улучшению социального обслуживания сельского населения, как предполагали авторы реформы и ее исполнители в регионах. Напротив, социальные проблемы на селе, копившиеся десятилетиями, в результате лишь усугубились. Их нерешенность вызывала беспокойство у сельского населения, особенно у молодых людей, наиболее мобильных и склонных к переезду в город.

При этом нельзя сказать, что власти, как на союзном и федеральном, так и на региональном уровнях, не осознавали наличия серьезных социальных проблем сельчан и не предпринимали никаких мер. Рост материального благосостояния и культурного уровня сельского населения, улучшение условий труда в колхозах и совхозах рассматривались ими в качестве средства интенсификации производства в аграрной сфере. Однако усиливавшаяся миграция в города во многом продолжала коррелировать с более низким уровнем доходов сельского населения, а нередко и с отсутствием должных стимулов трудовой активности, тем более что применявшиеся в предшествующие эпохи внеэкономические стимулы мотивации трудовой деятельности уже не работали. Причиной выступало изменение сознания советских людей, в том числе жителей деревни, состоявшее в постепенном отходе от старой традиционной культуры аграрного социума (ранее, вплоть до 1950 — 1960-х гг., свойственной и горожанам) в сторону современной, урбанистической.

Чтобы решить этот вопрос и закрепить специалистов на селе, власть пыталась прибегнуть к методам иного рода, включавшим повышение оплаты труда и внедрение различных льгот. Например, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 сентября 1977 г. предлагались меры по удержанию в сельском хозяйстве кадров механизаторов¹¹; в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 октября 1977 г. предусматривались определенные шаги, направленные на стимулирование перехода специалистов аграрной сферы на работу руководителями среднего звена в колхозы и совхозы¹². В соответствии с принимаемыми союзными документами на уровне автономных республик вводились собственные меры. Так, объединенным постановлением бюро Марийского обкома КПСС и Совета Министров Марийской АССР от 26 декабря 1977 г. были утверждены мероприятия, направленные на улучшение состава практиков — руководителей среднего звена в колхозах и совхозах республики, усиление их заинтересованности в работе, а также планы подготовки новых кадров аграриев¹³.

Решить социальные проблемы села вряд ли было можно без постепенного сглаживания различий в оплате труда колхозников, рабочих совхозов и городского населения. В 1970-е — начале 1980-х гг. в этой области были достигнуты относительные успехи. Размер оплаты труда колхозников приблизился к заработной плате соответствующих категорий рабочих совхозов, а в ряде случаев сравнялся с нею.

¹¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. Т. 12. Июль 1977 г. — март 1979 г. М., 1979. С. 97 — 104.

¹² Там же. С. 143 — 146.

¹³ ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-542. Оп. 10. Д. 472. Л. 215 — 220.

Например, в совхозах Чувашской республики по состоянию на 1975 г. средняя заработная плата рабочего в месяц составляла 96 руб., а в 1980 г. она выросла до 103 руб. В расчете на 1 человеко-день в 1975 г. работнику совхоза выделялось 4,18 руб., в 1980 г. — 4,47 руб. Колхознику в 1975 г. выделялось денег и продуктов на сумму 3,56 руб., в 1980 г. — на 4,09 руб.¹⁴

Тем не менее, согласно официальной статистике, среднемесячная оплата труда рабочих и служащих народного хозяйства республик оставалась выше, чем заработная плата работников, занятых в сельскохозяйственной отрасли. В 1980 г. в Марийской АССР показатель среднемесячной оплаты труда по всем отраслям составил 148,0 руб., по сельскому хозяйству — 121,6 руб.; в Мордовской АССР в среднем по республике оплата труда равнялась 152,6 руб., в сельском хозяйстве — 134,1 руб.; в Чувашской АССР среднемесячная заработная плата в целом по республике составляла 147,7 руб., у работников аграрной сферы — 106,6 руб.¹⁵

К тому же при постепенном повышении оплаты труда и уровня жизни в колхозах и совхозах сохранялось такое явление, как дефицит товаров. В региональные органы власти от сельских жителей поступали жалобы и ходатайства: на перебой с поставками продуктов питания, включая хлеб и крупу; пустующие прилавки в сельских магазинах, не справлявшихся с планами товарооборота; отсутствие одежды, обуви и других товаров первой необходимости¹⁶. Часто дефицитными оказывались требующиеся в трудовой деятельности вещи — спецодежда для работников животноводческих ферм и механизаторов. Недовольство сельского населения вызывали и другие факторы. Например, сильным социальным раздражителем были случаи несправедливого распределения товаров¹⁷. Сохранял остроту вопрос о газификации жилых домов в сельской местности, однако решить его в массовом порядке власти так и не смогли.

Несмотря на проблемы, принимающие системный характер, в некоторых отдельно взятых хозяйствах усилиями их правлений и местных властей удавалось выстроить достаточно успешную социальную политику. Например, в колхозе «Гвардеец» Батыревского района Чувашской АССР конкретное воплощение нашли меры по преобразованию социальной структуры коллектива, улучшению условий работы и охраны здоровья, сближению умственного и физического труда на основе внедрения средств механизации, улучшению жилищных и культурно-бытовых условий, совершенствованию систем материального стимулирования, повышению благосостояния колхозников. В населенных пунктах, объединенных в колхоз «Гвардеец», работали 2 врача, 16 чел. среднего медицинского персонала, 68 педагогов, 19 специалистов сельского хозяйства, из которых 17 были выпускниками вузов. Одним из главных следствий решения социальных проблем села стало закрепление в колхозе молодежи.

¹⁴ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки. 1976 — 1980 гг.: стат. сб. Чебоксары, 1982. С. 73.

¹⁵ Народное хозяйство Марийской АССР: стат. сб. Йошкар-Ола, 1990. С. 164; Народное хозяйство Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки. 1981 — 1985.: стат. сб. Саранск, 1986. С. 150; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки... С. 102.

¹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-2215. Оп. 1. Д. 140. Л. 14; Д. 171. Л. 45.

¹⁷ Там же. Д. 140. Л. 14.

И хотя в течение 1970-х гг. численность населения, проживавшего в деревнях и селах колхоза, уменьшилась на 959 чел. (или на 16,8 %), в целом социальная структура коллектива колхоза выглядела достаточно благоприятной: увеличилось число работников трудоспособного возраста, удельный вес людей от 16 до 59 лет вырос с 32,1 % в 1971 г. до 48,4 % в 1980 г. [11, с. 126].

Другой пример — колхоз «Россия» Ковылкинского района Мордовской АССР, в котором на строительство хозяйственных, культурно-бытовых объектов, дорог и благоустройство ежегодно расходовались большие средства. Только за девятую пятилетку в новое строительство было вложено более 4 млн руб. Кроме значительного числа производственных объектов в населенных пунктах колхоза были построены две восьмилетние школы, стационар участковой больницы на 50 коек, клуб, магазины. Для колхозников возвели десять благоустроенных двухквартирных домов, также во многих домах и квартирах имелся газ. В 1976 г. центральная усадьба колхоза соединилась с районным центром — г. Ковылкино — дорогой с чернощебеночным покрытием. Подобное развитие социальной сферы обусловило благоприятную демографическую динамику для сел колхоза. Видя происходящие социальные и культурные изменения, молодежь по окончании школы начала оставаться в селе. По данным на 1976 г., в колхозе «Россия» трудились 198 чел. в возрасте до 30 лет, а 60 % механизаторов составляли молодые люди, которые, получив в Кочелаевской средней школе специальность тракториста-машиниста третьего класса, решили работать в местном хозяйстве. В 1975 г. в колхозе остались 12 выпускников, в 1976 г. — 18¹⁸.

Органы управления автономных республик реализовывали, хотя и не всегда последовательно, программы улучшения социальных и экономических условий жизни тружеников села. Например, в Мордовской АССР за три года (1975 — 1977 гг.) удалось построить и ввести в эксплуатацию 186,3 тыс. м² жилья в сельских населенных пунктах, т. е. в 1,6 раза больше, чем за время девятой пятилетки (1971 — 1975 гг.). За тот же период было построено общеобразовательных школ на 5,5 тыс. ученических мест; детских дошкольных учреждений — на 1 470 мест, клубов и Домов культуры — на 4,5 тыс. мест, а также много других объектов культурно-бытового назначения¹⁹. В своем докладе на XXIV Мордовской областной партконференции, состоявшейся 15 декабря 1978 г., тракторист колхоза им. XXIV съезда КПСС Темниковского района В. К. Зайцев с присущим эпохе пафосом отмечал: «Только за три года десятой пятилетки у нас построены крупный откормочный комплекс, завод брикетированных кормов, цех производства комбикормов, зерносушильный комплекс, двухэтажная школа, типовой магазин, комплексный приемный пункт бытовых услуг, несколько жилых домов, расширена колхозная столовая, застроен детский сад. Но что особенно нас, колхозников, радует, так это ввод 12-километровой асфальтированной дороги. Она связала автобусным движением даже самое отдаленное наше село Булаево с районным центром. Совсем другой стала наша жизнь. В домах имеются современная мебель, газ, телевизоры, приемники, многие

¹⁸ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР девятого созыва (третья сессия, 2 июля 1976 г.). С. 60.

¹⁹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 13. Д. 64. Л. 5.

купили автомашины. Партийный комитет, правление колхоза ценят наш труд, помогают в приобретении личного скота, кормов, топлива»²⁰.

Чтобы замедлить отток сельских жителей в города, добиться улучшения развития социальной сферы села, а заодно не допустить падения плановых показателей в аграрной отрасли, власти пытались стимулировать развитие личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Дирекциям совхозов и правлениям колхозов вменялось в обязанность оказывать поддержку сельскому населению по ведению ЛПХ путем предоставления кормов для скота и принятия иных мер²¹. Но подобные установки выполнялись не всегда и не везде. Председатель Совета Министров Чувашской АССР Л. П. Прокопьев напрямую связывал необходимость развития ЛПХ граждан с кризисными явлениями (скрывать которые к тому времени было все труднее), критикуя косность бюрократической машины. В 1981 г. он приводил такие данные: «Недооценка личных подсобных хозяйств граждан привела к тому, что за последние 5 лет поголовье коров у населения сократилось на 12 тыс., свиней — на 8,2 тыс., овец — на 52 тыс. и птицы — на 147 тыс. голов. В результате порою сельские жители из поставщика продовольствия превращаются в его потребителя за счет государственной торговли»²². Таким образом, если ранее, в эпоху реформ Н. С. Хрущева, власть последовательно вела наступление на ЛПХ граждан, то теперь в известной мере способствовала их развитию, поскольку видела в них одно из средств решения как экономических вопросов, так и социальных проблем сельчан.

Дополнительным и до определенной степени эффективным методом стимулирования трудовой активности сельчан было премирование передовиков. Так, весной — летом 1973 г. районам Чувашии с этой целью было выделено 140 ценных подарков стоимостью 80 руб. каждый (по 5 — 10 на район); 120 туристических льготных путевок (по 5 — 9 на район), 200 путевок на ВДНХ, а также путевки в санатории и Дома отдыха; 30 автомобилей «Москвич», 120 — «Жигули» и 130 мотоциклов для продажи. По итогам работы за май и июнь Чувашский обком КПСС решил вручить передовикам за первое место знамя и денежную премию в размере 800 руб. За второе место полагались вымпел и премия в 500 руб. Для поощрения передовиков за увеличение производства и заготовок мяса выделялось 100 льготных путевок²³.

Успешная практика поощрительной оплаты сложилась в первой половине 1970-х гг. в колхозе «Правда» Кочкуровского района Мордовской АССР. По условиям социалистического соревнования на момент уборки урожая 1971 г. партийное бюро и правление колхоза установили, что членам бригады, добившейся наивысших показателей, выплачивалась денежная надбавка к основной заработной плате 25 %. Лучшему механизатору на заготовке кормов вручался памятный подарок; механизатору, добившемуся наивысшей выработки на косовице хлебов не менее 35 га за день, выдавались переходящий красный вымпел и 10 руб. премиальных; комбайнеру, добившемуся наивысшей выработки и намолотившему 300 ц зерна за

²⁰ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 13. Д. 5. Л. 96.

²¹ Там же. Оп. 10. Д. 87. Л. 39.

²² Заседания Верховного Совета Чувашской АССР десятого созыва (четвертая сессия, 10 декабря 1981 г.); стеногр. отчет. Чебоксары, 1982. С. 101 — 102.

²³ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 2675. Л. 23 — 24.

смену, вручались переходящий красный вымпел и 10 руб. премиальных; шоферу и трактористу, перевозившим зерно от комбайнов на заготовительный пункт и добившимся наивысшей выработки, давались переходящий красный вымпел и 5 руб. премиальных²⁴.

Однако премирование передовиков было мерой, действенной лишь отчасти, тогда как для подлинного выравнивания доходов сельчан и горожан, для более качественной мотивации трудовой активности жителей деревни требовались глубокие, системные изменения. Решение же социальных и бытовых проблем села, хотя и признавалось как одно из значимых условий повышения привлекательности и престижа труда в аграрной сфере, определяющим в деятельности органов управления в 1970-х — начале 1980-х гг. так и не стало. Возникла ситуация, при которой растущие материальные и культурные запросы сельских жителей существенно опережали желание государства их удовлетворять. А проводимая партийными и государственными органами аграрная политика лишь активизировала миграционные процессы в сельской местности, осложняя и без того непростое положение с трудовыми ресурсами и социально-демографической ситуацией на селе.

Особенно быстро миграция в города проходила в первой половине 1970-х гг. В Мордовии за годы девятой пятилетки был зафиксирован наиболее высокий отток сельского населения в Нечерноземной зоне РСФСР. В 1970 г. сельское население Мордовской АССР в абсолютных цифрах составляло 649 тыс. чел., в 1980 г. — около 500 тыс., уменьшившись на 149 тыс. чел. До 80 % прироста населения городов республики обеспечивала миграция из сельской местности²⁵.

Неутешительной была статистика по миграции молодежи. Типичную картину демографического спада в деревне хорошо иллюстрирует динамика общего числа учеников сельской восьмилетней школы в с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовии. Число учащихся в ней с каждым годом становилось меньше: в 1967/1968 учебном году — 294 ученика, в 1975/1976 году — 219, а в 1982/1983 учебном году в школе осталось 87 учеников, т. е. численность учащихся с 1967 по 1983 г. сократилась на 207 чел., составив 29,6 % от прежнего уровня²⁶.

Неслучайно на пленуме Мордовского обкома КПСС в марте 1980 г. особое внимание обратили на проблему регулирования миграции сельского населения: «Если говорить о Мордовии, то у нас есть районы, где отток населения происходит быстрее, чем создаются условия для повышения производительности труда в колхозах и совхозах... Процессами миграции сельского населения можно и нужно управлять, не допуская, чтобы они принимали нежелательные формы, порождая неоправданные трудности в обеспечении хозяйств квалифицированными кадрами»²⁷. Всего в Мордовии за 1970-е гг. в переселенчество было вовлечено почти 24 % всех жителей села. Из них 74 % оказалось в городах и поселках городского типа своей республики, а остальные мигрировали за ее пределы [18, с. 68].

²⁴ ЦГА РМ. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 47. Л. 15.

²⁵ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 40. Д. 11. Л. 77.

²⁶ ЦГА РМ. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 39. Л. 36 об.; Ф. Р-2215. Оп. 1. Д. 135. Л. 36 — 37; Д. 171. Л. 45.

²⁷ Советская Мордовия. 1980. 24 июля.

Из-за миграции сельчан, в первую очередь молодежи, в города быстро сокращалось и сельское население Марийской АССР. Особенно это касалось колхозников: если в 1965 г. их среднегодовая численность в республике составляла 80,4 тыс. чел., то в 1985 г. в результате миграции и преобразования ряда колхозов в совхозы — 39,1 тыс. [7, с. 259].

Уже в середине 1970-х гг. в Марийской АССР ощущался кадровый дефицит в колхозах и совхозах. Причем речь шла о руководителях и квалифицированных специалистах, которых было достаточно сложно подготовить и заменить. Например, на декабрь 1977 г. из 1 352 должностей руководителей среднего звена колхозов и совхозов были замещены лишь 424 должности, или 31,4 %. Наиболее сложная обстановка, по оценке бюро Марийского обкома КПСС и Совета Министров Марийской АССР, сложилась в Килемарском, Моркинском, Новоторъяльском и Оршанском районах республики. Одновременно признавалась неудовлетворительной работа техникумов и иных учебных заведений, специализирующихся на подготовке кадров для аграрной сферы. За 1976 г. план их работы оказался выполнен только на 44 %, в 1977 г. — на 50 %²⁸. В июне 1976 г. секретарь Марийского обкома партии П. Г. Лимаренко также признавал наличие нехватки инженерно-технических работников и механизаторов, что отрицательно отражалось, в частности, на проведении мелиоративных работ в сельском хозяйстве²⁹.

В Чувашии влияние на миграцию из сельской местности оказывали такие специфичные факторы, как устойчивый национальный состав республики (около 80 % — чувашаи) и малая подвижность населения. В связи с этим миграция в города и за пределы региона не характеризовалась такой высокой интенсивностью, как в соседних регионах. В 1970-е гг. отток населения в Чувашской АССР проходил в 3 раза медленнее, чем в целом по Нечерноземью. Материалы переписи 1989 г. показали, что сельское население в Чувашской АССР составило 42,1 %, в то время как по Российской Федерации этот показатель равнялся 26,4 %, по Нечерноземной зоне — 19,6 %, по Волго-Вятскому региону — 31,1 %³⁰.

Некоторые исследователи полагали, что миграция сельских жителей в города была связана с развитием научно-технического прогресса [5; 19]. По нашему мнению, сегодня данная взаимосвязь представляется очевидной. За 1960 — 1970-е гг. под воздействием технологического развития в социальной структуре населения Чувашской АССР произошли значительные изменения. Численность рабочего класса выросла с 25,0 % в 1959 г. до 58,1 % в 1979 г., численность служащих — соответственно с 11,4 до 23,2 %. Наряду с этим, существенно снизилась доля работников сельского хозяйства — с 62,6 до 18,6 %. В случае с Чувашской республикой можно говорить о возрастающей интенсивности этих процессов: в течение 1960 — 1985 гг. сельское население уменьшилось на 240 тыс. чел., причем в основном снижение численности пришлось на 1976 — 1985 гг., треть — на первую половину 1980-х гг.

²⁸ ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 10. Д. 472. Л. 215 — 216.

²⁹ Лимаренко П. Г. Быть обновителем земли — высокая честь // Марийская правда. 1976. 6 июня.

³⁰ Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 11 — 25.

В то же время по сравнению с Марийской и Мордовской АССР специфика миграции в Чувашии заключалась в заметно более низкой интенсивности. Если в Мордовии численность сельских жителей с 1959 по 1982 г. уменьшилась в 1,69 раза, в Марийской республике — в 1,49, то в Чувашской АССР — в 1,27 раза. При этом в соседних областях численность сельского населения снизилась еще сильнее [5, с. 10]. По мнению В. Р. Степанова, подобная сниженная интенсивность миграции сельского населения в автономных республиках, особенно в Чувашии, могла объясняться особым этническим сознанием и традиционными ценностными ориентациями, под воздействием которых длительное время формировалось осторожное, сдержанное отношение к новым моделям поведения [19, с. 571].

Однако даже в относительно благополучной в миграционном отношении Чувашии социальные проблемы стояли остро. Потребности сельских жителей в области культуры и быта быстро росли. Во многих населенных пунктах жители утратили веру в возможность решения в ближайшее время актуальных вопросов, связанных с обеспечением топливом и газом, строительством жилья, дорог, учреждений культуры и бытового обслуживания и т. д. В связи с этим в Чувашской АССР не прекращался интенсивный отток населения, в первую очередь молодежи, из сельской местности в города. На начало 1981 г. численность сельского населения составила 669,6 тыс. против 726,8 тыс. на начало 1976 г., т. е. за пятилетие оно уменьшилось на 57,2 тыс., или 7,9 %. В общей численности населения республики удельный вес сельского населения составил 51,1 % против 57,4 % в 1976 г.³¹ В 1971 — 1975 гг. в сельском хозяйстве Чувашии в среднем было занято 187,1 тыс. чел. в год, а в 1976 — 1980 гг. — 182,3 тыс. За годы десятой пятилетки численность работников, занятых сельскохозяйственным трудом, сократилась на 13,4 тыс. чел.³² Отток населения отрицательно отражался на положении дел в сельском хозяйстве. В отдельных хозяйствах Алатырского, Порецкого, Шумерлинского, Мариинско-Посадского районов не хватало механизаторов, животноводов и других кадров. Несмотря на значительные материальные и технические вложения, первостепенной становилась проблема обеспеченности трудовыми ресурсами. Некоторые населенные пункты стали малолюдными или начали исчезать.

Характеризуя ситуацию с кадрами, важно отметить, что специалистов сельского хозяйства не хватало не только непосредственно в колхозах и совхозах, но даже в республиканских органах управления. В этом плане показателен следующий пример. В 1972 г. в Мордовии приступил к работе вновь организованный республиканский орган — производственное объединение совхозов. Из-за отсутствия помещения в г. Саранске эта организация разместилась в пригородном селе Берсеневка в конторе совхоза «Димитровский». На 15 июня 1972 г. из 41 специалиста и служащего, предусмотренного по штату, в объединении работал 31. Причем вакантными оставались нерядовые, весьма перспективные должности: главный бухгалтер — начальник финансового отдела, главный инженер-строитель,

³¹ Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки... С. 4.

³² НА ЧГИГН (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). Отд. X. Д. 925. Л. 4.

главный инженер-энергетик, главный инженер-гидротехник, начальник планового отдела, две единицы бухгалтера-ревизора и др. Основной причиной неукомплектованности аппарата объединения специалистами являлось отсутствие жилья. Даже руководящие сотрудники были вынуждены проживать в соседних районах: например, главный зоотехник жил в г. Рузаевка, главный инженер — в пос. Ромоданово, старший агроном — в с. Николаевка. Большинству же специалистов и служащих приходилось довольствоваться съемными квартирами. В мае 1972 г. было начато строительство 16-квартирного дома и 2-этажной столовой с гостиной в колхозе «Димитровский», которые планировалось сдать к 1 октября этого года. Однако в июне строительство остановилось, и перспективы решения жилищной проблемы были отложены на неопределенный срок. Для удовлетворения нужд в жилье объединение просило выделить 25 квартир. Просьбу рассмотрел Совет Министров республики и 19 июля 1972 г. принял постановление «Об оказании помощи республиканскому производственному объединению совхозов в организации работы». Объединению выделили только одну трехкомнатную квартиру за счет резервов Совета Министров и три двухкомнатные квартиры за счет уменьшения жилой площади Минсельхоза. Таким образом, даже вмешательство высшего органа государственного управления республики не помогло решить данный вопрос³³.

Заключение

Осознавая необходимость социальной поддержки сельского населения, советские и партийные органы власти пытались принимать определенные меры, однако по большей части они оказывались точечными либо недостаточными и не были способны решить накопившиеся проблемы, в первую очередь связанные с кадровым голодом. Все более очевидной становилась необходимость в более глубоких и продуманных реформах, которые затронули бы всю аграрную отрасль. Однако проводимый курс на дальнейшую концентрацию сельскохозяйственного производства, при всем кажущемся логичным основании не решал социально-экономических проблем, а лишь приводил к значительным диспропорциям в развитии села. Несмотря на благие намерения реформаторов, укрупнение хозяйств, ликвидация «неперспективных» небольших населенных пунктов, преобразование колхозов в совхозы и другие недостаточно продуманные действия, наряду с накопившимися за десятилетия нерешенными социально-бытовыми проблемами сельских жителей, привели к негативным последствиям для села. Prestиж труда в аграрной сфере окончательно упал. Экономическая целесообразность часто приносилась в угоду императиву о «неперспективных» селах и деревнях, люди лишались традиционных мест проживания. Действия, направленные на неперемное выполнение «спускаемых» из Центра плановых показателей, не решали проблемы, а еще больше усугубляли миграцию населения в города и за пределы республик и связанный с ней дефицит квалифицированных работников аграрной отрасли. В результате 1970-е — начало 1980-х гг. стали в некотором роде границей, точкой необратимости процессов возрождения и упадка села.

³³ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 9. Д. 88. Л. 16 — 17.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агеев М. В. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. 184 с.
2. Бикейкин Е. Н. Опыт теоретического осмысления аграрной модернизации и развития сельского хозяйства Среднего Поволжья в 1953 — 1991 гг. // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всерос. (XV регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2018. С. 33 — 43.
3. Галлямова А. Г. Общественные инициативы по модернизации аграрной сферы. 1950-е — 1980-е гг. // Региональное измерение аграрной модернизации в России: материалы VIII Всерос. (XVI регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск: НИИГН, 2020. С. 25 — 31. URL: <http://www.niign.ru/knigi/sbornik-materialov-konferenczii-niign-pri-pravitelstve-rm-ot-27.08.pdf>
4. Галлямова А. Г. Социальный мир в советской и постсоветской деревне: от открытой конфронтации к скрытому фрондерству (на примере Татарской АССР) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020. № 1. С. 141 — 153.
5. Ильин И. Е. Научно-технический прогресс и проблемы совершенствования социальной структуры села // Эффективность производства в агропроме Чувашской АССР: сб. ст. Чебоксары: Чуваш. НИИЯЛИЭ, 1987. С. 4 — 15.
6. Исанбаев С. Н., Сухин В. И. Демографические основы комплектования контингента профтехучилищ Марийской АССР в 1970 — 1980-х годах // Марийский археографический вестник. 1999. № 9. С. 141 — 144.
7. История Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. Т. 2. 328 с.
8. Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н. Ипатовский метод: бюрократическая авантюра и кампанейщина или эффективное организационное нововведение? // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4 (60). С. 97 — 108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf>
9. Марискин О. И. Крестьянское хозяйство и быт села Сабанчеево в 1860-е — 1990-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1996. 26 с.
10. Моисеев Е. В. От реформ к истокам кризиса: социально-экономическое развитие Мордовии во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. М., 2000. 244 с.
11. Мулюков Г. Ф., Шорников А. М. Опыт колхоза «Гвардеец» Батыревского района в решении социально-культурных проблем села в период развитого социализма // Вопросы истории политического, экономического и социально-культурного развития Чувашской АССР: сб. ст. Чебоксары: Чуваш. НИИЯЛИЭ, 1983. С. 109 — 127.
12. Наухацкий В. В. Этапы аграрной модернизации СССР / России второй половины XX — начала XXI в. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 2 (105). С. 102 — 107.
13. Нефедов С. В. Сельскохозяйственные рабочие Марийской АССР в середине 60-х — середине 80-х гг. (количественные и качественные изменения) // Проблемы истории марийской деревни XX века. Йошкар-Ола: [Б. и.], 2001. С. 121 — 131.
14. Пинаева Д. А. Колхозное крестьянство Чувашии в 1953 — 1985 гг.: исторический опыт и уроки: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. 308 с.
15. Реброва Т. П. Социально-экономическое состояние села Мордовской АССР. 1975 — 1985 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 24 с.
16. Рыбалка В. И. Марийская деревня (1946 — 1985 гг.): материальное положение колхозно-крестьянства: моногр. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2017. 200 с.
17. Садовникова Н. И. Аграрный сектор экономики Чувашской АССР во второй половине 60-х — первой половине 80-х гг. XX века: исторический опыт подготовки специалистов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2007. 24 с.
18. Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма: [сб. ст.]. Чебоксары: Чуваш. НИИЯЛИЭ, 1982. 128 с.
19. Степанов В. Р. Научно-технический прогресс и изменения сельского населения в Чувашской АССР (60 — 80-е гг.) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: ма-

териалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 570 — 576.

20. СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922 — 1991): моногр. / отв. ред. О. А. Сухова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. 764 с.

21. Сухарев А. И. Социальной облик Советской Мордовии : состояние, тенденции развития. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 192 с.

22. Сухова О. А. Аграрная политика в СССР во второй половине 1940 — 1970-е гг. как фактор миграционной динамики: региональный аспект // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4 (60). С. 87 — 96. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vesnik-niign-4-2021.pdf>

23. Харитонов В. Г. Продовольственная программа и ее осуществление в Чувашии // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: История, экономика, право: сб. материалов IV Всерос. (XII Межрегион.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Казань, 2012. С. 272 — 279.

24. Харитонов В. Г. Реальности сельской культуры в 1946 — 1980-х гг.: на примере Чувашии // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всерос. (XV регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2018. С. 560 — 568.

25. Шорников А. М. Застойные явления в развитии сельского хозяйства Чувашии в 70-х годах // Исследования по аграрной истории Чувашии: сб. ст. Чебоксары: Чуваш. НИИЯЛИЭ, 1989. С. 66 — 90.

26. Юрчёнков В. А. Начертание мордовской истории: моногр. Саранск: НИИГН, 2012. 612 с. URL: <http://niign.ru/knigi/yurchenkov-v.-a.-nachertanie-mordovskoj-istori.pdf>

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; одобрена после рецензирования 27.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

Информация об авторах:

Евгений Николаевич Бикейкин, заместитель директора — ученый секретарь Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeykin1977@mail.ru

Галина Александровна Куршева, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Сергей Викторович Першин, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9405-7005>, pers99@inbox.ru

Павел Сергеевич Учватов, главный научный сотрудник — заведующий отделом региональных исследований и этнологии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Вклад авторов:

Бикейкин Е. Н. — разработка концепции, научное редактирование статьи;

Куршева Г. А. — разработка концепции, научное редактирование статьи;

Першин С. В. — написание первоначального варианта статьи, сбор материалов и анализ литературы;

Учватов П. С. — написание первоначального варианта статьи, сбор материалов и анализ литературы.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ageev MV. Socialist Transformation of Agriculture in the Mordovian ASSR. Saransk;1979. (In Russ.)
2. Bikeykin EN. The Experience of Theoretical Understanding of Agrarian Modernization and Development of Agriculture in the Middle Volga Region in 1953 — 1991. *Russian Peasantry and Agriculture in the Context of Regional History*. Proceedings of the VII International All-Russian (XV Regional) Conference of Agrarian Historians of the Middle Volga Region. Yoshkar-Ola;2018:33—43. (In Russ.)
3. Gallyamova AG. Public Initiatives for the Modernization of the Agricultural Sector. 1950s — 1980s. *Regional Dimension of Agrarian Modernization in Russia. Proceedings of the VIII International All-Russian (XVI regional) Conference of Agrarian Historians of the Middle Volga Region*. Sa-ransk;2020:25—31. URL: <http://www.niign.ru/knigi/sbornik-materialov-konferenczii-niign-pri-pravitelstve-rm-ot-27.08.pdf> (In Russ.)
4. Gallyamova AG. Social Peace in the Soviet and Post-Soviet Countryside: from Open Confrontation to Hidden Frontage in Tatar ASSR. *Yearbook of Agricultural History of Eastern Europe*. 2020;(1):141—153. (In Russ.)
5. Ilyin IE. Scientific and Technological Progress and Problems of Improving the Social Structure of the Village. *Production Efficiency in the Agricultural Industry of the Chuvash ASSR: Collection of Articles*. Cheboksary;1987:4—15. (In Russ.)
6. Isanbaev SN, Sukhin VI. Demographic Bases of Recruitment of the Contingent of Vocational Schools of the Mari ASSR in the 1970s — 1980s. *Mari Archaeographic Bulletin*. 1999;(9):141—144. (In Russ.)
7. History of the Mari ASSR. Yoshkar-Ola;1987;2. (In Russ.)
8. Kursheva GA, Bikeykin EN. Ipatovo Method: Bureaucratic Adventure and Campaigning or an Effective Organizational Innovation? *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Moravia*. 2021;(4): 97—108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf> (In Russ.)
9. Mariskin OI. Peasant Economy and Life of the Village of Sabancheevo in the 1860s — 1990s. Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Saransk;1996. (In Russ.)
10. Moiseev EV. From Reforms to the Origins of the Crisis: Socio-Economic Development of Moravia in the Second Half of the 1960s — mid-1980s. Moscow;2000. (In Russ.)
11. Mulyukov GF, Shornikov AM. The Experience of the Collective Farm “Gvardeets” of the Batoryevsky District in Solving Social and Cultural Problems of the Village in the Period of Advanced Socialism. *Questions of the History of the Political, Economic and Socio-Cultural Development of the Chuvash ASSR*. Collection of Articles. Cheboksary;1983:109—127. (In Russ.)
12. Naukhatskiy VV. Stages of Agrarian Modernization of the USSR / Russia of the Second Half of XX — Beginning of XXI Centuries. *Humanities and Socio-Economic Sciences*. 2019;(2):102—107. (In Russ.)
13. Nefedov SV. Agricultural Workers of the Mari ASSR in the Mid-60s — Mid-80s. Quantitative and Qualitative Changes. *Problems of the History of the Mari Village of the XX Century*. Yoshkar-Ola;2001:121—131. (In Russ.)
14. Pinaeva DA. Collective-Farm Peasantry of Chuvashia in 1953 — 1985: Historical Experience and Lessons. Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Cheboksary;1996. (In Russ.)
15. Rebrova TP. Socio-Economic Condition of the Village of the Mordovian ASSR. 1975 — 1985. Abstract dis. ... Cand. of Hist. Sci. Moscow;1991. (In Russ.)
16. Rybalka VI. Mari Village (1946 — 1985): the Financial Situation of the Collective Farm Peasantry. Monograph. Yoshkar-Ola;2017. (In Russ.)
17. Sadovnikova NI. The Agricultural Sector of the Economy of the Chuvash ASSR in the Second Half of the 60s — the First Half of the 80s. XX Century: the Historical Experience of Training Specialists. Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Cheboksary;2007. (In Russ.)
18. Agriculture and Peasantry of the Middle Volga Region in the Conditions of Developed Socialism. Cheboksary;1982. (In Russ.)
19. Stepanov VR. Scientific and Technical Progress and Changes in the Rural Population in the Chuvash ASSR (60 — 80s). *The Agrarian System of the Middle Volga Region in the Ethnic Dimension*. Moscow;2005. (In Russ.)

20. USSR: Agrarian Policy and Regional Features of Its Implementation (1922 — 1991). Monograph. Penza;2022. (In Russ.)

21. Sukharev AI. The Social Image of Soviet Mordovia: State, Development Trends. Saransk;1980. (In Russ.)

22. Sukhova OA. Agrarian Policy in the USSR in the Second Half of the 1940s — 1970s as a Factor of Migration Dynamics: Regional Aspect. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2021;(4):87—96. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf> (In Russ.)

23. Kharitonova V. G. Food Program and Its Implementation in Chuvashia. *Economic Entities of the Agrarian Sector of Russia: History, Economics, Law: Proceedings of the IV All-Russian (XII Interregional) Conference of Agrarian Historians of the Middle Volga Region*. Kazan;2012:272—279. (In Russ.)

24. Kharitonova V. G. Realities of Rural Culture in 1946 — 1980s: on the Example of Chuvashia. *Russian Peasantry and Agriculture in the Context of Regional History. Proceedings of the VII International All-Russian (XV Regional) Conference of Agrarian Historians of the Middle Volga Region*. Yoshkar-Ola;2018:560—568. (In Russ.)

25. Shornikov AM. Stagnation in the Development of Agriculture in Chuvashia in the 70s. *Research on the Agrarian History of Chuvashia*. Collection of Articles. Cheboksary;1989:66—90. (In Russ.)

26. Yurchenkov VA. Outline of Mordovian History. Monograph. Saransk;2012. URL: <http://niign.ru/knigi/yurchenkov-v.a.-nachertanie-mordovskoj-istori.pdf> (In Russ.)

The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 27.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Information about authors:

Evgeny N. Bikeykin, Deputy Director — Academic Secretary of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, bikeykin1977@mail.ru

Galina A. Kursheva, Director of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Sergey V. Pershin, Leading Researcher of Department of History Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9405-7005>, pers99@inbox.ru

Pavel S. Uchvatov, Principal Researcher — Head of Department of Regional Studies and Ethnology of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidat of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Contribution of the authors:

Bikeykin E. N. — concept development, scientific editing of the article;

Kursheva G. A. — concept development, scientific editing of the article;

Pershin S. V. — writing the original version of the article, collecting materials and analyzing the literature;

Uchvatov P. S. — writing the original version of the article, collecting materials and analyzing the literature.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.